Творческий клуб «Земляки»

Выпуск № 10

Владимир ВИНОГРАДСКИЙ

Что живо в памяти народа,
Какие вехи прошлых лет?
Мне видится в лучах восхода
Земляк наш – инок Пересвет.
Монах из Сергиевой Лавры,
Смиренно шедший на войну
Не ради славы, ради правды,
За веру и свою страну.
Он и Ослябя – те герои,
Что могут к вере привести
И ныне в нашем бранном поле,
И души юные спасти.
А мы за них уже в ответе –
Вручать им эстафету лет.
И твёрд форпост – отцы и дети,
Ведь с нами воин Пересвет.

(г. Новозыбков)

Николай БУШЕНЕВ

Который раз, который год
Мне мил мой край в закатном блеске!
Хлеба и травы осень жнёт
И красит охрой перелески.
Синь онемелая ясней,
Как мысль ясна в минуту боли.
Клинок печальных журавлей
Неумолимо сердце колет.
Ну, что ж. Пройдёт и эта боль.
Завеет край метельным буйством.
Но не пройдёт вовек любовь
К родным полям, к просторам русским.

(г. Череповец, Вологодская обл.)

Надежда КОЖЕВНИКОВА

Поклонюсь российскому солдату
Поклонюсь до самой до земли.
Тем отважным молодым ребятам,
Что любовь к Отчизне сберегли.
Не о тех я, кто бездомной стаей
Побежали прятаться окрест.
Я о тех, кто Родиной считает
Отчий дом и на погосте крест,
Прадеда, что пал под Ленинградом,
Смертью продолжая жизни нить.
Я о тех, кому сейчас не надо
Ничего о жизни говорить.
Я о тех, кто только перед Богом
В церкви на колени может встать.
Думал враг, что нас таких немного,
Оказалось, что не сосчитать.
Зря народы верою пытали.
Им рассорить нас не удалось.
На защиту общей правды встали
И Аллах, и Будда, и Христос.
Да и как тут может быть иначе,
Родина у нас на всех одна...
Если мать в Абхазии заплачет,
Боль ее на Брянщине слышна.
Если в ратном подвиге великом
К небесам уносится солдат,
Журавли с печальным долгим криком
Надо всей Россией полетят.
И пусть боль не высказать словами,
На попятную мы не пойдем.
Воины! Защитники!
Мы с вами.
Мы вас любим и с Победой ждем!

(г. Новозыбков)

Наталья ПРЕСНЯКОВА

НАСТОЯЩАЯ ВЕРА

Посвящается Алексею Коршунову (позывной «Коршун»)

«Вера на войне иного слога,
Может потому, что ближе к раю.
Если там, в тылу, и верят в Бога,
То на фронте Богу доверяют».
Александр Макаров

Август в Подесенье всегда непредсказуем. После жаркого, изнурительного дня может не-жданно повеять такой стынью от реки, что сразу хочется укутаться в тёплый, пушистый плед и сидя у костра или мангала, провожать вечернюю зарю. И почему-то в такие минуты появляется, ощущение, что тебя покидает что-то очень близкое и родное, вот уже пятый год в нашем Приграничье такие тихие минуты редкость. И потому, я с трепетом отношусь к любой встрече: будь то просто разговоры с мужем за чашкой чая, или приезд детей и их друзей...

Мы сидели небольшой компанией в импровизированной беседке у нас во дворе. Стоял необычайно тихий вечер, мы, привыкшие к гулу беспилотников, работе ПВО, просто отдыхали и душой, и телом. Так хотелось окунуться в забытую тишину, за бокалом домашнего вина с дымящимся шашлычком вести непринуждённую беседу, как раньше, как это было до специальной военной операции...

У нас в гостях был друг сына Богдан со своим сослуживцем Алексеем. Ребята служили на границе и этот небольшой отпуск для них был как глоток свежего воздуха. Изнеможённые, уставшие, с тёмными кругами под глазами от длительного недосыпа, они как могли поддерживали непринуждённый ритм беседы, хотя мне казалось, что их мысли не с нами, а там... Где сейчас их товарищи возможно принимают свой последний тяжёлый бой. Как-то само собой разговор зашёл о вере, о том, какая она эта вера?

«Храм над Зыбкой». Фото Дениса КЛОПОВА (г. Новозыбков)

Разговор перешёл неожиданно в спор. Я пожалела, что за все свои долгие годы жизни выучила лишь одну молитву «Отче наш», которая мне очень помогает в жизни. Муж же говорил о том, что все самые ценные мысли и любое решение проблем заключено в Библии, там можно найти любой ответ на любую трудную или непредсказуемую ситуацию.

Невольно я задержала взгляд на Алексее, казалось парень был безучастный к этой теме, его взгляд устремленный вдаль, был стеклянным и безразличным, он сидел почти неподвижно, словно в какой-то нирване. Что скрывалось за этим чуть ли не стеклянным взглядом, что творилось в душе этого отважного бойца, который прошёл уже и огонь, и воду, и медные трубы.

Он начал свою службу ещё задолго до начала СВО, подписав свой первый в жизни контракт, и сейчас по истечении четырёх лет боевых действий, не струсил, не предал, а снова в строю, пусть и не за «ленточкой».

Я попыталась вырвать из забытья Алексея:

— Лёша, ты себя неважно чувствуешь? — я старалась говорить мягко и нежно, чтобы не обидеть парня, — может пойдёшь отдохнешь? Алексей встрепенулся, как будто его неожиданно разбудили от глубокого сна:

— Нет, спасибо я не устал... А вера... Здесь, на гражданке, вера стала чем-то обыденным, обязательным, не потому, что человек верит, а потому, что так модно. Модно, нацепив на шею толстую цепочку с крестом, стоять в храме и делать тупые селфи для своих подписчиков. А там... — глаза Алексея загорелись, на лице появился небольшой румянец.

Было видно как каждое слово, сказанное им сейчас, это не дань разговору, а что-то очень личное. Он придвинул пластиковое кресло поближе к мангалу, где горели дрова, поднёс свои руки ближе к огню, точно хотел прикоснуться к святыне. Я видела как его большие натруженные ладони задрожали мелкой дрожью от волнения, которое он уже не мог в себе сдержать.

— Там, за «ленточкой» вера совсем другая. Там нет атеистов — верят все и безоговорочно. Там вера — это смысл жизни, без неё никак. Там вера пусть и своеобразная, но она настоя-щая, понимаете на все тысяча процентов на-сто-я-ща-я, — последнее слово Лёша произнёс по слогам, протяжно, пытаясь донести до нас смысл каждой буквы. — Давно это было, мы слева от Марьинки штурмовали свиноферму, где укрепился вражеский снайпер-пулеметчик, есть такое понятие на войне: «снайпер держит всю роту», так вот это как раз о той ситуации, что была у нас. Он нас сдерживал в продвижении к выполнении задачи. Наше подразделение — это хорошо подготовленные штурмовики, у которых не один год войны за плечами, ничего не могли сделать. Ничего! Мы сидели кто в окопах, кто в блиндажах. Пытались кто чем мог выбить этого снайпера, в ход шли и «шмели», и подствольные гранатометы, и простое стрелковое оружие.

Мы прекрасно понимали, что пока по нам не начал работать миномётный обстрел, мы, сидя в окопах, были более или менее защищены. Было ранее утро, солнце уже цеплялось за макушки деревьев в ближайшей посадке, полный штиль: ни малейшего дуновения ветра, прохладно, но на войне, а тем более в бою, ты не чувствуешь это, у тебя просто зашкаливает адреналин. Это такой мощи толчок и встряска всего организма, что тебе становится даже жарко. От напряжения и усталости я решил закурить. Я сел на землю и облокотился на скос окопа.

Прохладная приятная стынь слегка пробежала по спине, я сделал пару-тройку затяжек... И вдруг... Знаете, я не просто верю в Бога, я знаю — он точно есть, как и есть Ангел хранитель, не знаю может какое-то седьмое чувство, обострённое чутьё что ли. Сидя в окопе спиной к противнику, я внезапно почувствовал не просто холод, а леденящий душу ужасающий холо-дом мрак. Он быстро, в секунды прошёлся от поясницы вдоль позвоночника до затылка. Меня просто приковало к земле, пригвоздило чем-то непонятным и до дикого ужаса холодным.

Нет это чувство не длилось долго, оно меня держало в своих ледяных клещах каких-то несколько секунд, но я его запомнил на всю оставшуюся жизнь. Почему-то в голове мелькнула мысль: «Надо срочно уходить в блиндаж... Здесь опасно... Очень опасно...»

Я попытался привстать, ноги казались ватными, не держали меня. Через силу, резким рывком я встал и крикнул, что было силы своим боевым товарищам: «Всем в блиндаж! Опасность!» Преодолев всего несколько метров, я оказался у входа в блиндаж. Прошло... я даже и не знаю, минута... две... три... не больше: именно в это место, где я недавно курил, прилетела «Полька», это польская бесшумная мина, он выходит совсем тихо и лишь в непосредственной близости к своей цели, за две — три секунды до нее начинает свистеть. У этой заразы хвостовик отстреливается в полете, отчего к цели она прилетает неожиданно. Понимаете, опасна тем, что выпущенная мина летит, не издавая шума, и это не оставляет времени среагировать на выстрел — этих две — три секунды ничтожно малый срок, чтобы попытаться спастись.

Так вот мина прилетела именно в то место, где я был всего три минуты назад, прилетела прямо в скос окопа, — Алексей достал пачку сигарет, нервно прикурил, сделав одну затяжку. Он посмотрел вдаль, где солнце уже почти скрылось за макушками сосен, редкие лучи ещё пытались пробиться сквозь толщу ползущих по небу туч, но их усилия в этом были тщетны.

Постепенно над крышей дома и беседкой сгущался августовский вечер. Взгляд парня стал задумчивым. — Я не знаю, что это было, — продолжил Алексей после небольшой паузы, — Возможно это было предостережение свыше, которое мне и многим моим друзьям спасло жизнь...

Нашу беседу неожиданно прервал звук подъехавшего автомобиля. И Богдан, и Алёша как-то резко, сразу начали прощаться: за ними приехал их сослуживец, и они не могли дольше задерживаться.

Я обняла ребят нежно, по-матерински, мне хотелось им сказать столько разных добрых, хороших слов, но почему-то голос предательски задрожал и я через силу выдавила:

— С Богом, сынки, я знаю точно — он есть! И пусть он вас бережёт, там... А я буду за вас молиться...

Машина, просигналив, плавно выехала от двора на дорогу... Я смахнула набежавшие слезы и вслед машине начала читать:

— Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...

Над городом уже вышла луна, и хоть её изредка пытались закрыть плывущие по небу тучи, она светила своим тусклым, необычайно загадочным светом, словно говорила: «Всё будет хорошо, я уж точно знаю...»

(г. Трубчевск, Брянская обл.)

Александр МЕЛЬНИКОВ

Среди русских равнин, где за лесом поля,
Есть у верного сердца родная земля.
Кто-то скажет – подумаешь, – невидаль здесь,
Пол-России такой, а полей и не счесть.
Здесь рассветы с востока для счастья встают,
И закаты – как день завершает свой путь,
А в полях рожь к земле стебель колосом гнет,
А вода в родниках знает все наперед.
Здесь в лугах заливных зеленеет трава,
Рядом с ними шумит в перекатах река,
Все, что нужно для жизни на этой земле –
Это Родина-мать дарит мне и тебе.

(г. Таллин, Эстония)

Ирина ПЕНЮКОВА

Над Россией темны небеса.
Страшно думать, что ждет впереди!
Устоим, если грянет гроза?
Пожалей! Пронеси! Отведи!
Душно. Пальцы нащупали крест.
Или мы не достойны святынь?
«Он ведь тоже страдал и воскрес...»
Доверяем. До смерти. Аминь.

(г. Брянск)

Виталий ЗЕНЧЕНКО

Я помню, мама сухари сушила,
Боялась: ну а вдруг опять война?
А детвора вся жила – не тужила.
И поднималась из руин страна.
Да, были эти годы не богаты,
Питались просто, – тем что Бог послал.
Ещё соломой были крыты хаты,
Лишь где-то шифером, коль кто его достал.
Пусть не хватало материальных благ,
Мы не считали детство Несчастливым.
Мы находили счастье в мелочах
И с детской радостью тогда росли мы.
Играли, бегали, порою в лес ходили.
При лампе керосиновой читали,
Коль вечера за книгой проводили,
И о прекрасном будущем мечтали!
Ещё утиль повсюду собирали,
Его сменяв на мелкий дефицит,
Там мы крючки, свистульки покупали
И иглы швейные, что требовал наш быт.
Росли, словно трава в нашем дворе,
Где босиком до осени гоняли.
И собираясь в школу в сентябре,
Счастливыми мы в первый класс шагали.
Были семья, друзья и игры были.
Налаживалась жизнь из года в год.
Росли, взрослели, искренне любили
И верили, что лучшее придёт!

(г. Слуцк, Белоруссия)